

Библиотека приключений

ДЕТЕКТИВЫ ДЕТЕКТИВЫ

ТАТЬЯНА ПУГАЧЕВА

РАССЛЕДОВАНИЯ
ГЕНИАЛЬНЫХ
ДИЛЕТАНТОВ

КРИМИНАЛЬНАЯ
ИНТУИЦИЯ

Татьяна Пугачева

Расследования

гениальных дилетантов

<https://litres.ru/74460523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда официальная криминалистика заходит в тупик, камеры видеонаблюдения не дают ответов на вопросы, а у влиятельных подозреваемых есть железобетонное алиби, за дело берутся те, кто воспринимает реальность немного на другом уровне.

Сборник «Расследования гениальных дилетантов» - это серия детективных историй о людях, далеких от полицейских структур, но обладающих уникальными, доведенными до абсолюта профессиональными навыками. Они не носят погоны и не проводят допросы. Их оружие - микроскопическое внимание к деталям своей ремесленной ниши, позволяющее прочитать улики там, где система видит лишь пустоту.

Их лаборатории - тихие ателье и стерильные парфюмерные комнаты. Они доказывают главный закон мироздания: любое действие оставляет физический след. Правду невозможно уничтожить - она вплетена в саржевое переплетение ткани и растворена в воздухе... Нужно лишь найти мастера, который сможет ее прочитать.

Содержание

Слепой киднеппинг	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Расследования гениальных дилетантов

Слепой киднеппинг

Хруст сельдерея, когда ломается его стебель, напоминает звук перелома лучевой кости. Если добавить звук разрыва толстой свиной кожи, это будет имитировать открытый перелом. В моей студии, стены которой обиты акустическим поролоном, этот звук воспроизводится идеально - он сухой, резкий, с характерным щелчком на высоких частотах.

Я - Алиса Ветрова, саунд-дизайнер. Живу в мире звуковых волн и часто хожу в наушниках. Для меня мир - не просто визуальные образы. Это волны, частоты, фазы и обертоны. Я воспринимаю звук так: низкие басы словно пульсируют тяжелым фиолетовым бархатом, а цифровые помехи раздражают глаза кислотно-желтым оттенком. На улице я ношу шумоподавляющие наушники не для того, чтобы наслаждаться музыкой. Я использую их, чтобы заглушить хаос окружающего мира.

Дверь студии открылась. Я узнала этот акустический паттерн еще до того, как майор спецотдела Марк Руднев переступил порог. Однако сегодня его привычный ритм звучал неровно, как плохо сведенный трек: аритмичное дыхание,

скрип все той же дешевой кожаной куртки, тяжелые шаги человека, который не спал двое суток. Удар пяткой был слишком акцентированным, а центр тяжести смещен.

- Привет, Алиса. Опять придется тебе оторваться от своих киношных мертвецов, - хрипло произнес он, привычным жестом бросая на мой пульт очередную безымянную флешку. - У нас снова проблема. Точнее, она станет таковой, если ты не сотворишь свое обычное чудо. Штатные фоноскописты МВД сдались.

Я обреченно вздохнула, понимая, что наши «разовые» консультации окончательно превратились в традицию, сохранила проект и сняла наушники.

- Кто на этот раз?

- Виктор Заславский, - ответил Руднев. - Бывший девелопер, который теперь метит в мэры. Он был похищен сегодня утром во время пробежки. Охрану нейтрализовали светошумовыми гранатами - это была явная работа профессионалов. Через час на почту его жены пришло это сообщение. Они требуют десять миллионов и публичное признание в махинациях с землей. Ультиматум истекает в полночь. Экспертиза установила, что голос был пропущен через вокодер, а на фоне наложен белый шум, записанный в вакуумной будке. Зацепок пока нет.

Я вставила флешку и загрузила файл в Pro Tools. На экране развернулась аудиодорожка длиной в сорок секунд. Когда я надела студийные мониторные наушники и нажала про-

бел, из динамиков полился ровный, мертвый цифровой шум. Сквозь него пробивался механический, лишенный интонаций голос, зачитывающий требования.

- Твои эксперты - идиоты, Марк, уж прости за грубость, - сказала я, глядя на спектрограмму. - Это не вокодер.

- А что?

- Нейросеть. Они не меняли свой голос, они обучили алгоритм на публичных выступлениях Заславского и заставили ИИ зачитать текст. Смотри на форму волны. - Я ткнула пальцем в экран. - Нет микропауз для вдоха. Форманты - частотные пики, определяющие тембр - абсолютно симметричны. Живой человек так не говорит. Ваш похититель вообще не открывал рот.

Руднев нахмурился, его куртка снова скрипнула.

- Значит, тупик?

- Для ваших - да. Но звук никогда не бывает абсолютно чистым. Пространство всегда оставляет свой отпечаток.

Я начала хирургическую работу. Сначала применила фазовую инверсию, чтобы вычистить искусственный белый шум. На спектрограмме оголился «скелет» записи. Я усилила «хвосты» - затухающее эхо на концах фраз.

- Слышишь? - я вывела звук на колонки. Голос теперь звучал с легким, металлическим гулом. - Реверберация. Отражение звука от поверхностей. Задержка эха - почти полторы секунды. Это не студия. Это огромный ангар. Площадь не меньше двух тысяч квадратов. Стены - голый бетон, пол -

металл. Никакого дерева или ткани, иначе высокие частоты бы поглотились.

Я накинула на дорожку эквалайзер и безжалостно срезала весь речевой диапазон. Оставила только то, что человеческое ухо обычно игнорирует.

- Усиливаю частоты ниже сорока герц, - прокомментировала я.

В студии завибрировал пол. Глухой, ритмичный удар. Бум... Бум... Бум... Интервал ровно восемь секунд.

- Инфразвук, - сказал Руднев, инстинктивно прижав руку к груди. - Что это?

- Тяжелая пневматика. Это не стройка. Это стационарный штамповочный пресс. Судя по массе удара - старая советская серия «КД». Их почти не осталось.

Я переключила фильтр, срезав низы и вытянув экстремально высокие частоты, на границе 15 000 герц. На тридцать второй секунде записи динамики выдали пронзительный, режущий визг. Руднев поморщился.

- А вот это, Марк, фланцевый скрежет. Металл трется о металл под огромным давлением. Это колесная пара трамвая. Но звук аномально длинный. Трамвай не просто едет, он проходит кривую малого радиуса - очень крутой поворот.

Я развернулась к майору.

- В общем, Марк, тебе нужна точка на карте, где трамвайные пути делают разворот почти под девяносто градусов, а в радиусе ста метров стоит бетонный цех с работающим прес-

сом «КД».

Руднев уже достал планшет. Через минуту его лицо окаменело.

- Заброшенный Литейно-механический завод на северной окраине. Там кольцо семнадцатого трамвая.

- Почему заброшенный, если пресс работает? - спросила я.

- Потому что пять лет назад Заславский обанкротил этот завод, чтобы зачистить землю под элитный ЖК. Были протесты. Главный инженер завода умер от инфаркта прямо в цеху во время столкновений с ЧОПом Заславского. Сына инженера зовут Антон Черепанов.

Пазл сложился. Это не просто похищение. Это, скорее всего, казнь с символическим подтекстом. Пресс работал не для производства - Черепанов запустил его как таймер.

Через два часа мы добрались до места. Ночь, проливной дождь. Завод напоминал мертвый металлический лес. Окна главного цеха плотно закрыты стальными листами, внутри ни лучика света. - Электричество отрезано, пресс запитан от дизель-генератора, - доложил командир спецназа. - Внутри абсолютная темнота. Черепанов прислал сообщение: если увидит хоть один луч света от фонаря или лазера - подорвет себя и заложника. ПНВ (приборы ночного видения) бесполезны, там слишком плотная взвесь металлической пыли, инфракрасная подсветка слепит камеры. Руднев посмот-

рел на меня. Я сидела в фургоне связи, перед пультом, куда выводились сигналы с тактических микрофонов, закрепленных на шлемах штурмовой группы. - Ты будешь нашими глазами, Ветрова, - сказал Марк, надевая наушник и проверяя пистолет. - Точнее, ушами. Веди нас.

Я закрыла глаза. В наушниках раздался шорох кевлара, тяжелое дыхание бойцов и далекий, ритмичный удар пресса. Бум... Бум... Я мысленно нарисовала акустическую карту.

- Заходите через вентиляционную шахту цоколя, - командовала я. - Марк, я слушаю твой микрофон. Шагай.

Они шагнули в темноту. Я ориентировалась на эхо. Шаги Руднева отражались от стен и возвращались в микрофон. Я анализировала микросекундные задержки.

- Стоп, - резко сказала я. - Эхо слишком короткое и глухое. Впереди тупик, металлическая переборка. Бери левее.

- Принято, - шепнул Марк.

- Слышу сквозняк на частоте четыреста герц. Справа от вас открытая шахта лифта. Осторожно...

Мы продвигались вслепую. Пресс бил все громче. Бум... Бум... Этот звук был красным пульсирующим пятном в моей голове. Внезапно сквозь грохот я уловила нечто иное. Скулящий, сдавленный звук.

- Заложник, - сказала я. - Прямо по курсу. Метров двадцать.

В наушниках послышался голос Черепанова. Он сорвался на крик, перекрывая шум станка.

- Стоять! Я слышу вас! Шаг вперед, и я нажимаю кнопку! Он привязан к станине пресса!

Группа замерла. Я выкрутила чувствительность микрофонов на максимум. Я слышала все: как колотится сердце Заславского, как капает вода с потолка, как дрожит дыхание Черепанова.

- У меня в руке детонатор, - кричал Черепанов в темноту.
- Заряд на несущей колонне! Мы все останемся здесь, под бетоном! Ясно?! Мне нечего терять!

В фургоне связи повисла мертвая тишина. Командир спецназа смотрел на меня. Руднев в рацию дышал тяжело. Если это бомба - погибнут все.

Я закрыла глаза руками, отсекая остатки внешнего мира. Мне нужен был микрозвук. Я вслушивалась в правую руку Черепанова. От страха его пальцы нервно сжимали и разжимали предмет.

Скрип. Щелк. Трение.

Я проанализировала акустическую фактуру. Любой боевой детонатор или кнопка «мертвеца» имеет внутри металлическую пружину. Она дает микроскопический резонанс, высокочастотный отклик. То, что скрипело в руке Черепанова, было глухим. Дешевый, пустотелый АБС-пластик. Резиновые мембраны.

- Марк, - мой голос прозвучал в рации ледяным спокойствием. - Это блеф.

- Ты уверена? - прошипел Руднев.

- У него в руке пульт от телевизора. Внутри нет пружины, пластик пустой. Бери его.

Бум! - ударил пресс.

В эту же секунду раздался звук броска. Тяжелое тело Руднева снесло Черепанова на металлический пол. Лязг наручников рассек акустическое пространство цеха резким, сухим щелчком. Защелкнувшаяся сталь. Этот звук означал финал.

- Чисто! - гаркнул в рацию командир штурмовой группы.
- Дать свет!

Десятки мощных тактических фонарей разом разрежали тьму, и на мониторах в фургоне вспыхнуло ослепительно-белое зарево. Я сорвала наушники, когда в уши ударил невыносимый визг акустической обратной связи от включившихся раций. Тяжело дыша, я откинулась в кресле. Моя водолазка насквозь прилипла к спине.

В цеху Руднев рывком поднял Черепанова с пола. Похититель не сопротивлялся. Его плечи безвольно опустились. В лучах фонарей было четко видно, что из его разжатой ладони на грязный бетон выпал старый, затертый пульт от телевизора. Никакой взрывчатки. Никаких проводов. Только отчаявшийся человек, попытавшийся использовать страх как оружие.

Следом от станины пресса отвязали Заславского. Бывший девелопер был бледен как мел, его трясло, а на дорогих спортивных штанах расплылось темное пятно. Но как только он оказался в кольце вооруженных спецназовцев, его животный

ужас мгновенно трансформировался в агрессивное высокомерие.

- Вы посадите этого ублюдка пожизненно, слышите?! - визгливо заорал он, брызгая слюной. Тембр его голоса подскочил до истеричных двух тысяч герц, врезаясь в мой и без того уставший слух даже через внешние динамики фургона. - Он террорист! Я сотру его в порошок! Мои адвокаты...

Руднев молча смотрел на него. В микрофон было слышно, как майор достал сигарету. Металлический лязг зажигалки. Глухой выдох дыма.

- Боюсь, господин Заславский, стирать в порошок будут вас, - устало произнес Марк. - Пока вы тут сидели в темноте, Черепанов настроил отложенную отправку писем. Вся черная бухгалтерия по захвату этого завода, поддельные пожарные экспертизы и списки ваших карманных чиновников час назад улетели в редакции семи крупнейших изданий и в Следственный комитет.

Заславский осекся, хватая ртом воздух. Звук, с которым рухнула его политическая карьера и свобода, был абсолютно беззвучным. И оттого - оглушительным...

Спустя три дня я снова сидела в своей студии. Город за толстыми стенами и слоями акустического поролона продолжал свой хаотичный, неконтролируемый концерт: были sireны скорых, гудели клаксоны в пробках, кричали люди. Но сюда, в мою идеальную вакуумную капсулу, не проникало ни

децибела.

На столе завибрировал телефон. Курьерская доставка.

Через пять минут я уже распаковывала огромную картонную коробку. Шелест крафт-бумаги наполнял комнату теплым, плотным звуком, похожим на шепот на частоте около шестисот герц. Внутри меня ждала большая плетеная корзина с отборным, свежайшим фермерским сельдереем. К корзине была приколата визитка спецотдела, а к ней от руки приписана короткая записка.

«Для самых хрустящих переломов. Спасибо, Алиса, что стала нашими глазами. М.Р.»

Я усмехнулась. Вытащила самый толстый, сочный стебель с жесткими прожилками. Пододвинула к себе студийный конденсаторный микрофон, проверила уровни записи на микшерном пульте. Надела свои тяжелые мониторные наушники, отсекая последние отголоски внешнего мира и погружаясь в контролируемую, звенящую тишину.

Я закрыла глаза. И резко сломала стебель пополам.

Отлично! Идеальный открытый перелом. Без единой лишней помехи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.